

Я могу сделать тебе хорошо. Зачем тебе искать его?

Меня схватили за руку и безжалостно затащили в спальню Цзюцяньсуя, и я тяжело упал на кровать. Без какой-либо подушки мой лоб прямо ударился о деревянный поручень кровати. Мощный удар моего тела, когда оно врезалось в кровать, заставил деревянные доски подо мной издать громкий стук, от которого земля чуть ли не содрогнулась три раза.

Было очень больно, но сильнее всего болела правая рука. Когда меня тащили из зала для приемов в спальню, моя рука, скорее всего, пострадала от сильной хватки Цзюцяньсуя.

Мир расплылся перед моими глазами от удара. Белые точки временно закрывали мое зрение, как снежинки. Я мог только чувствовать высокую тень, возвышающуюся над моим телом. Она навалилась на меня всем своим весом и с неоспоримой силой схватила мою шею своими руками.

— Кто дал тебе разрешение встретиться с ним?

Пронзительный и хриплый голос звучал так, словно его выдавили прямо из кучи гравия. Он звучало ядовито и кровожадно, еще более безумно, чем в канун Праздника Весны.

Я никогда не слышал, чтобы Цзюцяньсуй говорил настолько неконтролируемо. Мое сердце дрогнуло, и мне инстинктивно захотелось открыть рот и сказать что-нибудь, но рука на моей шее внезапно применила еще большую силу. Огромное давление сдавило мое горло, и мне стало трудно дышать.

Все мои трудности были легко преодолены и решены. Под нарастающим чувством удушья размытые снежинки перед моими глазами постепенно рассеялись. Как только ко мне вернулось зрение, пара алых глаз тут же вторглась в мое поле зрения с огромной агрессией.

Цзюцяньсуй пристально посмотрел на меня. Как гадюка, голодный волк или призрак из глубочайшего ада, ищущий жизни. От одного взгляда я почувствовал ледяной холод, и мое тело бесконтрольно затряслось.

— Кто позволил тебе с ним встретиться!

Его иррациональное рычание набросилось на меня, сопровождаемое беспощадно сжиманием его рук, жесткими, как железо, полностью лишившим меня последней возможности дышать.

Мое горло горело, рот был широко открыт, и я отчаянно хватал ртом воздух. Однако моя грудь напрасно вздымалась, поскольку я все еще не мог получить свежий воздух.

Нет нет...

Дрожа, моя рука покоилась на руке, которой он меня душил, мой разум кипел от множества хаотичных мыслей, включая желание выжить, чувство страха и... иглоподобное чувство вины, колющее мои чувства.

Цзюцяньсуй навалился на меня всем своим весом, глядя мне в глаза и оставаясь неподвижным. Его длинные волосы, которые всегда были тщательно собраны, теперь свободно свисали из-за сводящего с ума хаоса, задевая мою сторону лица.

Даже на лбу у него выпирали пугающие синие вены.

Я не знал, как долго продолжалась боль, а потом знакомая агония постепенно утихла, все замедлилось перед глазами. Он выглядел так, словно был полон решимости убить меня, но в самый последний момент отпустил меня и холодно наблюдал, как я свернулся калачиком на кровати и задыхаюсь.

Цзюцяньсуй стоял в водовороте ярости. Его ярость превратилась в осязаемое пламя в моих глазах, зажигая его, зажигая меня и способное сжечь всю спальню.

Я думаю, что, возможно, я сделал что-то не так.

Эта мысль внезапно пришла мне в голову.

Я знаю, что он хорошо ко мне относится, и мне не хотелось его злить, но...

Когда приток воздуха вновь заполнил мои легкие, взрывная боль в груди наконец-то утихла. И все же, хотя я еще был далек от того, чтобы дышать ровно, меня подняли за воротник, и я лег на спину. Шелковая наволочка была скатана в комок и грубо засунута мне в рот, максимально растягивая рот, отчего мне снова и снова хотелось выплюнуть её.

Шлепок!

Все, что я услышал, это резкий звук, за которым последовала жгучая боль на моем лице.

Беспощадная пощечина Цзюцяньсуя перевернула мой мир, и в ушах постоянно гудело.

Мои вялые руки, которые не могли сдвинуться ни на дюйм, грубо дернули. Между вспышками темноты в моих глазах я увидел, как Цзюцяньсуй с безжалостным выражением лица разорвал пододеяльник и намотал полоски ткани на мои запястья.

«Ммм... мmmm...»

Я не хотел...

— Ты так сильно хочешь вернуться к нему?

Еще одна пощечина пришлась мне по левой щеке. Звук его ладони, хлопнувшей меня по щеке, был громким, но бледнел по сравнению с его яростным ревом.

Хотя Цзюцяньсуй всегда был вспыльчивым, я никогда не видел его в таком неконтролируемом безумии. Только тогда я вспомнил, что он, казалось, всегда сознательно показывал мне свою самую нежную сторону...

Настолько, что я все больше нервничал, а он становился еще более нестабильным. Я изо всех сил пыталась вырваться из-под его давления, выдавливая из горла приглушенные стоны, умоляя его дать мне шанс поговорить.

Но он выглядел так, будто никогда не слышал моей мольбы.

Цзюцяньсуй отвел от меня взгляд. Одной рукой он прижал меня к кровати и остановил мою борьбу. Другой рукой он подхватил широкие рукава моего халата, свободно лежавшего на кровати. Мгновение он осторожно потер ткань, а затем внезапно пробормотал про себя: «Он испорчен»

Я смотрел на него широко открытыми глазами. Во мне становилось все сильнее и сильнее ощущение, что мужчина передо мной ведет себя слишком странно, как будто он совсем не в своем уме.

В следующий момент пронзительный голос стал еще резче, обрушивая на меня свою ярость: «Ты испортил его!»

«Я подарил его тебе! Как ты посмел испортить его?!»

«Разве ты не знаешь, что все, что он имеет сегодня, — это благодаря мне!»

— Что в нем такого милого!

«Ты такая дешевка, что тебя так и тянет быть его сучкой!?»

Яростный рев, должно быть, повредил горло Цзюцяньсуя. С каждым новым произнесенным им словом он звучал все более хрипло и неприятно, но его это несколько не беспокоило. Эти

резкие вопросы обрушивались на меня один за другим, и они были настолько интенсивными, что я даже не мог дышать.

Как бы я ни уклонялся от этой мысли, мне все равно пришлось смириться с тем, что его ярость возникла из... моих чувств к Его Королевскому Высочеству.

Раньше я никогда не осмеливался оценить степень так называемой благосклонности Цзюцяньсуя ко мне. Поэтому я обманул себя и поставил себя на место его игрушечного мальчика. Только теперь я вдруг осознал, что я ему так нравился, что намного превосходило мое бедное воображение.

За последние двадцать два года никогда не было момента, когда я был бы так беспомощен, как сейчас. Все, что я делал, это тупо смотрел в его налитые кровью глаза, наблюдая за его лицом, которое от ярости покраснело.

Моя верхняя одежда была разорвана на куски грубой силой. Цзюцяньсуй небрежно вытащил меня из кучи рваных тряпок и прижал лицом вниз к одеялу, не оставляя места ни малейшему сопротивлению, и только холодные слова коснулись моего затылка:

«Испорчен. Придется тебя очистить».

В этом хаосе с меня сняли нижнее белье, обнажив большую часть моей спины. Ладонь Цзюцяньсуя касалась меня, его дыхание обрызгивало мою спину, яростное и нетерпеливое лизание... обжигало мою кожу.

От задней части моей шеи до плеч и спины шероховатая поверхность его языка пробежала по моему позвоночнику и погрузилась в... невыразимую область.

Мои штаны были спущены до лодыжек, а затем полностью сняты из-за моих безудержных движений в жгучей похоти. С давящей силой Цзюцяньсуй прижал меня вниз и раздвинул мои ноги. Его язык и губы блуждали и задерживались на внутренней стороне моих бедер. Если не считать моей твердости спереди, я был мокрым как внутри, так и снаружи.

Это чувство было слишком странным и слишком постыдным. Не в силах контролировать реакции своего тела, я дрожал, становясь все слабее и слабее, испуская хныканье из ноздрей от этих невыносимых ощущений.

Так не должно было быть. Так не должно было быть.

На мой вход была нанесена какая-то скользкая мазь, которая вскоре растаяла, как мед, и скользнула по моему телу. Она даже капала мне в промежность, наполняя своеобразной сладостью, заставив мое едва восстановившееся сердцебиение снова участиться. Я полез вперед на локтях, желая вырваться из этой неловкой ситуации. В следующий момент на мои

ягодицы и бедра обрушился карающий шлепок. Дрожащая плоть на моих ягодицах сжала мои внутренности, вызывая одновременно соблазнительный зуд и острую боль от шлепка.

Я продолжала издавать хныкающие звуки мольбы, пытаюсь извиниться перед ним, пытаюсь попросить его остановиться, но ничего из этого не получалось. Цзюцяньсуй по-прежнему отказывался предоставить мне возможность высказаться.

Он снова открыл секретное отделение рядом с кроватью. Я не мог этого видеть, но полностью осознавал, с чем столкнусь дальше. Мое сердце пронзила острая боль.

Я не хочу этого. Я не желаю проходить через это. Пожалуйста...

Нефрит с гладкой и круглой головкой медленно, но твердо вжимался между моими бедрами, холодный и твердый. Прежде чем я успел среагировать, он вошел в мою дырку и безжалостно вонзился в мое тело.

Мой крик затих в горле, и мои связанные руки тщетно вцепились в перила кровати. Каждая мышца моего тела дрожала и сокращалась. Не выдержав, я поднял голову и отчаянно вздохнул.

В отличие от тонкого, который был в прошлый раз, нефритовый фаллоимитатор, вторгшийся в мое тело сегодня, был толстым и покрыт волнистыми изгибами. Его протолкнули прямо с помощью лишь небольшого количества влаги. Место, не предназначенное для полового акта, вряд ли вообще могло приветствовать такое вторжение. Оно было наполнено до отказа, ощущая сильную боль, как будто вот-вот лопнет.

Резные выступы на нефрите терлись о тонкую внутреннюю стену дюйм за дюймом, и это было ужасно, как будто лезвие прорезало мое тело, пытаюсь достичь и погладить душу, к которой даже я никогда не прикасался.

Дужу, пожалуйста, прекрати. Дужу...

Но среди невыносимой боли был и неопикуемый жар. Сначала это был всего лишь незначительный зуд, но он становился все более и более очевидным по мере того, как нефрит почти бесконечно продвигался в меня. Когда круглая головка, наконец, достигла моего самого глубокого и чувствительного места, она вызвала неожиданное пламя желаний, охватившее мое тело. От промежности до центра нежного ядра, каждый дюйм внутри меня, где была мазь, не был исключением, и вскоре удовольствие распространилось, как лесной пожар, на каждое сухожилие моего тела.

<http://bllate.org/book/14094/1239612>